

18+

Ольга Белоброва

МИЛЛИОН
МИЛЛИАРДОВ

Ольга Белоброва

**Миллион миллиардов.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Белоброва О. Д.

Миллион миллиардов. Сборник рассказов / О. Д. Белоброва —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-560187-2

Если вы в детстве собирали «секретики», вы знаете главный постулат успеха: одна блестящая бумажка, два цветка, засушенный жук и немного бисера, все прикрыть осколком зеленой бутылки — и вот оно счастье! У Ольги Белобровой тоже есть свой секрет, как собрать книгу из фрагментов нашей жизни: наблюдения, путешествия, факты, юмор и легкий сарказм. Без этого жизнь была бы совсем невыносимой, а тексты скучными. Хотите проверить рецепт? Вам — сюда!

ISBN 978-5-00-560187-2

© Белоброва О. Д.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Море и счастье	7
Буря и натиск	9
Штанга	11
Живая рыба	13
Запеканка	14
Тётка	16
Фламенко	17
Вкусовщина	18
Чужая тема	19
Тефтельки	20
Голова Кафки	22
Идеальная пара	24
Миллион миллиардов	26
И приснился ей...	28
Скандинавский стиль	29
Пробуждение	30
Второй день диеты	31
Ветка	32
Утренний номинатив	33
Служба бабушек	34
Уроки английского	36
Муся	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Миллион миллиардов

Сборник рассказов

Ольга Дмитриевна Белоброва

Тата Манькова *Дизайнер обложки*

Елена Миронова *Обработка иллюстраций*

Елена Зорина *Корректор*

Ольга Рыбина *Редактор*

© Ольга Дмитриевна Белоброва, 2022

© Тата Манькова, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-0187-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Прямо здесь и сейчас, за этой страницей – за белой театральной ширмой, собрались они: заметки, записки, тексты. Другая жизнь и счастливые моменты, внезапные открытия и безумные идеи, чужие правила и семейные секреты. Весёлые, грустные, задумчивые и наблюдающие.

Они настолько разные, что не выстраиваются ни в общую линию, ни в логическую цепочку. Вообще не группируются для общего сценария. Расселись по разным стульчикам, подальше друг от друга, каждый сам со своим смыслом. Они бы хотели развлекать, но больше получается погружать в раздумья. Иногда с мыслью «что за ерунда!».

А ещё стесняются. Очень боятся, что их не поймут или поймут неправильно. В смысле наоборот.

Они обязательно хотят открыть что-то, какой-то жизненный секрет, философскую тайну. О которой вначале и сами не всегда догадываются, но что-то такое подозревают. Вот и роют, ковыряются в себе и в поисках смыслов. Подбирают правильные слова, выискивают подходящие сравнения, точные примеры.

Хорошо ли у них получается? Да, наверное, не всегда идеально.

А иначе к чему тогда стремиться, куда расти?

В этом же тоже смысл, и не малый, не так ли?

В общем, открывайте, знакомьтесь – вдруг подружитесь?

Море и счастье

Мы выскребли всё из своих сил. Последние остатки. Сухие и скукоженные. Еле дотянули до каникул. Мы мечтали и грезили, что просто сам факт наступления каникул уже и будет счастьем.

Потом, когда до «счастья» оставалось чуть больше недели, мы подумали, что больно уж оно похоже на обычные выходные. Немного затянувшись. И это ощущение обязательно сожрёт наше «счастье».

Тогда мы придумали Хорватию. Списались, созвонились, сделали невозможное – нашли место. В самый горячий сезон, под все наши многочисленные требования.

Не могло не сработать!

И вот мы там. Море как сказка, погода – не жаркая, можно всё и везде. Старинные города и римские развалины, кипарисы, бугенвиллеи, сосны, шишки...

И там, купаясь в волшебной прозрачности, мы поняли: это не оно. Не совсем оно. В общем, не наше счастье.

Чёрт-те знает: то ли жильё не наше, неудобное? То ли вещи долго сохнут? То ли соседи шумные? Но стало ясно, что не оно это.

И тогда пришло озарение – надо домой. Не туда, в Германию, а совсем домой, в Одессу. И точно-точно оно будет там, наше...

Там же тоже море, и тепло, и старина. А вдобавок – любимый дом, родные лица, абсолютный комфорт. Там уж наверняка мы его найдём.

Счастье.

И вот мы здесь. Смогли, преодолели, сдюжили.

Теперь должны греметь фанфары, зажигаться софиты и глашатай громогласно объявит о наступлении нашего счастья.

Но нет. Не совсем так.

Трава заросла, розы заболели, аллергия обострилась. А что хотели? Амброзия кругом цветёт.

Не до счастья.

Пройдёт какое-то время. Даже совсем немного времени. И где-то через полгода, ковыряясь в галерее фотографий, мы вдруг наткнёмся на Хорватию с волшебной водой, кипарисами и развалинами римской арены. А потом на свои довольные физиономии в душевной компании в Одессе.

И защежит что-то. И потянет где-то.

И станет так ясно, так безусловно очевидно, что это было именно оно – наше...

Буря и натиск

Очередь на регистрацию в аэропорту. По периметру энергично и решительно курсирует ответственная представительница авиакомпании, гордо несущая всю полноту своей власти. В её лице есть некоторая обида, даже отчаяние. Поскольку приложить эту власть и решимость категорически не к чему.

В очереди все терпеливо, тихо ждут. Ни тебе подвыпивших и буйных граждан. Ни хотя бы плохо воспитанных детей с безобразным поведением. Не с кем зацепиться.

Чемоданы весят обидную норму – с кем поговорить о доплате за перевес?

Документы у всех в порядке.

В руках тесты на вирус.

Не кашляют!

Короче – тоска.

И вдруг появляемся мы, небольшой, но заманчиво живописной группой с коляской.

Взгляд представительницы оживился, вся она встрепенулась и воспряла. Сразу стало понятно, день сегодняшний не пройдёт напрасно.

Ещё одно доброе дело.

– Вы, женщина на коляске!!! Сюда идите, я вам буду помогать! – зычно протрубила она на весь зал с дальней стойки регистрации.

Вся скучающая очередь разом смолкла, развернулась в нашу сторону и уставилась на меня. Почему-то вспомнилось: «Софиты цирка направлены на арену!»

Мне на минуту захотелось сложиться в сумочку или просто раствориться в пространстве.

– А вы все! – Очередь сжалась. – По-жа-луй-ста! Ждите – там стойте. Не выходите за черту!

И грозно так зыркнула на стоящих первыми.

Эти невезунчики отпрянули от черты. Они и раньше-то не дёргались, а тут, видимо, и вовсе захотели уйти в конец.

Буря и натиск – с ужасом поняла я и поначалу смалодушничала. Но, поразмыслив, решила, что лучше расслабиться.

Лететь-то надо – билеты, гостиница, все дела. В подобной ситуации есть шанс меньше пострадать, если не напрягаться.

Представительница тем временем, наконец расправив крылья, намеревалась развернуть свои силы помощи по всем фронтам.

– Давайте-ка сюда ваши документы! – решительно скомандовала она нам.

– Зачем это вам? Мы ж просто хотим зарегистрироваться, – робко и невнятно промямлили мы, но осеклись.

– Таааак... – она выхватила наши паспорта. – Эт я подержу! – И сделав мощный взмах рукой, пронесла их над нами, почему-то над регистратором и дальше по какой-то замысловатой траектории в никуда.

«Господи! Хоть бы не уронила в щель за ленту багажа!» – с ужасом соображала я, пытаюсь заранее придумать, как выковыривать паспорт из такой узкой дырки.

Потом нависла над стойкой и стала так же активно листать бумаги регистратора туда и назад. Он сам тоже ничего не понял и впал в недоумённый ступор.

Обстановка накалялась.

Надо заметить, что до этих пор мы как-то всегда сами справлялись на check-in. И выжили, пока что.

Куда там. Буря и натиск продолжали своё победное шествие на глазах «изумлённой общестственности».

На нашу удачу, ситуация с паспортами закончилась благополучно.

Однако её внимание привлекла наша ручная кладь. В глазах блеснул узнаваемый уже задорный огонёк.

– А это вам точно будет мешать! – обрадованно констатировала представительница. – Из-за этих колёсиков вас сейчас завернут на секьюрити! Там не любят, чтоб с колёсиками, – и крепко схватила нашу сумку.

– Отчего же мешать! – не выдержал, наконец, Саныч. – Мы только что прилетели с ней из Мюнхена, и никто на секьюрити не возражал. Это самая удобная для нас сумка.

– Тааак, – почти рычала дама, – я же делаю вам лучше! Вы что, не понимаете? Мы отправим эту сумку в багаж бесплатно. Она вам точно мешает. – Она на редкость мощно впиалась в ручку сумки и собиралась идти до конца в своём желании нести нам добро.

Намечалась нешуточная схватка.

Я даже попыталась встрять и шепнуть Санычу, чтоб сдался, пока не поздно. Вдруг дама решит с нами драться ради нашей же пользы?

Но и он упёрся. Тоже можно понять – в этой сумке все наши билеты-резервации, перекус, ноут, подзарядки.

Сколько всего вытаскивать! Куда перекладывать?

И тут звёзды опять стали к нам благосклонны и позвали добрую представительницу к другой женщине с ребёнком, которой в этот момент потребовалась помощь.

Она ослабила хватку. Крикнула: «Я сейчас! Буду вам помогать!»

И побежала в их сторону. А мы тем временем оттащили тихонечко нашу удобную сумку на колёсиках. За угол. От греха.

Надо было улепётывать по-быстрому. Пока эта буря, несущая «нам пользу» вместе с натиском очень доброй, но атомной энергии, не снесла наше мирное путешествие в таргары.

Р. S. О сумке с колёсиками на секьюрити никто слова не сказал. А в чересчур мощной любви можно и захлебнуться.

Р. P. S. «Буря и натиск» – движение в немецкой литературе XVIII века, связанное с отказом от... разума в пользу не стеснённого правилами творчества, предельной эмоциональности и... крайних проявлений индивидуализма... (Википедия)

Штанга

Вы когда-нибудь поднимали пятидесятикилограммовую гирию?

Нет, не так.

Пытались ли вы когда-нибудь «толкнуть» штангу?

Я лично – нет.

Но, силой воображения, очень даже могу себе представить весь процесс.

Наклонилась. Взялась руками. Подумала:

– И зачем вообще мне это надо?

– Очередная дурь? Лучше бы не начинала!

– Все люди как люди: сидят, отдыхают, кофе пьют. А ты?

– Как пить дать что-то надорвётся: или в пояснице, или в голове.

– Назад дороги нет – взялась уже. И перед партнёрами неудобно...

Потом держусь крепко за железяку эту.

Упираюсь – надо оторвать её от земли. Тяжело. Невозможно.

Потом всё-таки рывок. Смогла!

Что-то хрустнуло. А может, и треснуло? Наверное, и то и другое.

И штанга уже сверху. Давит.

А радости почему-то нет.

И не сбежишь – куда там?

Потом обратный рывок. Тяжелее, чем наверх.

Аккуратно вернуть или уронить – всяко бывает.

Прийти в себя.

Повреждения замотать, залечить, замазать.

И, кстати, первое место всё равно досталось кому-то другому.

Да и второе тоже.

Эпилог/Мораль/Памятка для моих детей

(нужное подчеркнуть)

Дорогие мои, любимые!

Сколько я поднимала таких «штанг» в жизни? Не очень много.

Но вполне достаточно, чтобы чем-то гордиться, чем-то насытиться, о чём-то пожалеть и, конечно, не слабо так, надорваться.

Одного рецепта «как быть» для каждого такого случая у меня опять и снова – нет.

Может, «толкать», а может, и не стоит. Зависит от кучи факторов и вашего настроения в данный момент.

Как сделать по-умному? Тоже не скажу – боюсь сбить с толку. Потом, в очередной раз, буду виновата.

Знаю только, что не из одного, а из многих таких толчков, с разной степенью успеха и поражений, из меня слепилось то, что есть сейчас. И результат меня вполне удовлетворяет. Даже радует.

Я ни о чём не жалею. И ничего не хотела бы изменить.

А это одно – уже ой как много.

Просто поверьте на слово.

Потом поймёте.

Живая рыба

Мама купила карпа, зеркального. У нас его почему-то зовут Коропом, не знаю почему, может, для солидности? Но так уж повелось, и я не могу исправлять всякой грамматической чепухой нашу правду жизни.

Короп был точно солидных размеров и живой или очень натурально прикидывался живым: смотрел на нас ясными глазами, хлопал плавниками, хвостом – в общем, законченный образ, не подкопаешься. Саныч сразу стал кричать истошно: «И что мы с ним будем делать? Как его съесть сегодня?» Но мама, видимо, подзабыв свой, двадцатилетней давности, опыт общения с нечищенной рыбкой с базара, почти уверенно утверждала, что через часик-другой Короп всё поймёт, сам окочурится и мы успешно его одолеем. У меня, признаюсь, были сомнения на этот счёт, и смутные мои воспоминания подсказывали, что рыбки эти живучие ого-го. Но мамин неоспоримый авторитет здесь перебил все мои робкие потуги.

Дабы не смущать ранимые души домочадцев, Короп был торжественно вынесен на холод и там, по словам мамы, затих – видимо, опять прикинулся, коварный, только теперь в обратную сторону.

Через пару-тройку часиков все поняли, что нужно что-то решать с Коропом, причём радикально: если он собрался нас и дальше так водить за нос, то мы остались без ужина, а это, согласитесь, грустно.

Как только этого афериста, не побоюсь этого слова, внесли с улицы в дом, он решил, что декорации поменялись и здесь он снова живчик. Интенсивность хлопанья хвостом и телодвижения его переходили всякие правила приличия.

Мама, понимая, что надежд больше нет, взяла самый большой в доме нож и сказала, что с помощью ассистента (а это мог быть только «понятно кто!») она справится с чудовищем, нужно будет его «сильными руками» подержать. Саныч вспомнил всё: и свои глубоко пацифистские взгляды на жизнь, и то, что он мышью обидеть не может, а комаров убивает исключительно при крайней необходимости, и что в его далёком детстве, когда он прищемил хвост коту, животное не пострадало. Но делать нечего, мама даже визуально не подавала надежд на то, что она победит Коропа в одиночку: слишком разные весовые категории, неравная борьба.

Дальнейшую сцену этой драмы я опушу – это же не триллер, в самом деле, а так, бытовая зарисовка.

По окончании борьбы Короп всё равно продолжал чем-то там двигать, чем совершенно расстроил и деморализовал официальных победителей сражения. Он был брошен в мойку и даже не посолен – так и остался не замаринованным, поверженным, но не побеждённым. Всем расхотелось кушать, а бойцы разъехались по своим делам – кто на танцы, кто на футбол...

Через полтора часа я была застигнута телефонным звонком в самый разгар баталий какого-то телевизионного шоу – противники вот-вот могли вступить в нешуточную потасовку.

– Ну как Он там? – спросила мама тихим усталым голосом.

– Кто??? – опешила я и, вернувшись к реальности, побрела на кухню, проверить Коропа...

Запеканка

В ажиотаже пандемических метаний за укрепление всеобщего иммунитета меня внезапно осенило открытие, что дети мои – малютки (#опять_я_плохая_мать) совершенно неправильно питаются и витамины критически недополучают.

Почему я решила, что главный аккумулятор всех возможных полезных веществ именно тыква, – история до сих пор умалчивает. Предполагаю, что цвет продукта перебил рациональный подход. Ситуация усугублялась тем, что никто в семье тыкву не любит ни в каком виде. Считают, что она портит любое блюдо только своим присутствием.

Однако идея спасения человечества с помощью тыквы уже захватила передовые умы в моём лице, и остановить торпеду, движущуюся к цели, не смогла бы даже она сама. А невыполнимая задача придумать что-то съедобное для тех, кто тыкву на нюх не переносит, однозначно бросала вызов.

Итак, в промежуточных итогах было дано:

- трепетная и ранимая душа художника;
- лежащие на балконе две полтыквы (не путать с целой, в них – синергия!), пару раз перенёсшие какой-то непонятный налёт инея по утрам;
- научно-аналитический склад ума (уже забыла, кто мне это сказал, но всегда с теплотой вспоминаю этого милого человека);
- всякое по мелочи – компьютер, телефон, кухня, актер (который «участник преобразований, движимый собственными мотивами», не путать с актёром – это обидно).

Для начала я изучила тьму рецептов в интернете, предназначенных для искренних любителей исходного продукта. Сильно устала и поняла бесперспективность этого предприятия. Тем более что они гордо и почти по Канту демонстрировали присутствие «вещи в себе». В нашем случае – тыквы в блюде.

Тогда было принято волевое решение сложить пару-тройку разных рецептов и получить что-то сильно съедобное и однозначно гениальное в результате.

Работа закипела.

Начались сложности.

Во-первых, все открытые в компьютере рецепты выстроились в хаотическом порядке и открывался почему-то каждый раз один и тот же, который не совсем мне нравился. Хотя помню точно, что я систематически тыкала в разные вкладки. То в третью слева, то в пятую справа, и так дальше по списку.

Я плюнула на них и решила начать с очевидного – почистить и порезать тыкву. Она оказалась крепкой заразой – шкура не срезалась, а только отпиливалась со страшными усилиями и специальным ножом. В процессе титанического труда был уничтожен ноготь моего указательного пальца с почти свежим маникюром. И поскольку теперь сохранение красоты и чопорных приличий меня больше не сковывало, я пошла крушить и творить без всяких пределов. Гуляй, рванина!

Накидала в миску все ингредиенты одновременно.

Ну потому что – какой смысл? Всё равно они перемешаются в конце, зачем нам эти церемонии?

Решила разогреть духовочку, так как смутные воспоминания молодости подсказывали, что её, сердешную, всегда греют перед закладкой пирогов. Её почему-то сразу замкнуло, и выбило пробки. Но удача улыбалась безнадёжному предприятию, и я чудесным образом сообразила, где нажать на тумблер и то, что больше нельзя включать обдуб.

Вернулась к мисочке с «тестом», которое выглядело совсем огорчительно и напоминало какое-то месиво. После всего случившегося назад дороги всё равно не было. Надо выдохнуть

и двигаться к победе. Вспомнила, что такие штуки у поваров элегантно именуется смесью. А имя – это ментальная сущность предмета. И ещё по мелочи всякую ерунду, типа «думай о хорошем» и «позитивные мысли притягивают что-то там».

Веруя в приближение триумфа, я решила для надёжности добавить лично от себя натёртый корень куркумы и побольше. Во-первых, вспомнила, что она сильно спасает от заразы и детям моим это обязательно. А во-вторых, лежит в холодильнике без толку и пропадает, беспечно купленная за оригинальный внешний вид и миленький оранжевый цвет внутри. Что получится на вкус, старалась не думать, чтоб не расстраиваться заранее. Вдруг обойдётся?

Однако, на случай «войны», сыпанула ещё корицу, ваниль, манку, какой-то муки, чтоб «оно!» не растеклось, и яблок от души (тоже бесцельно скучали на подоконнике). Тихо надеялась: если с запеканкой выйдет провал, назову её шарлоткой.

Запекла. Не спалила! И, как говорила моя бабушка, «убилась от этой кухни».

Путалась в названиях. Одному сказала, что это пирог с апельсинкой, а другой – что там просто много яиц. Несмотря на очевидно валяющиеся тыквенные очистки на кухне, все как будто поверили. Никто не вспомнил, что это исчадьё Хэллоуина на дух не переносит.

Видимо, я имела зверский вид зайца, побывавшего на конференции монстров. Семейство смотрело на меня с опаской и деликатно похваливало произведение кулинарного искусства жалкими комплиментами «вкусненько» и «очень даже неплохо».

Упала на кровать. Лежу. Смотрю в потолок и думаю.

Какая хорошая семья! Дети воспитанные, не капризные. Всё едят!

И сколько же у меня ещё скрытых талантов?!

Тётка

Я похожа на мою тётю из Измаила, и это меня очень расстраивает. Нет чтоб какая-нибудь Джина Лоллобриджида! Смотрю в зеркало и вижу – тётя Фаня.

Вы не подумайте – тётка была чудесная: пробивная, энергичная, с харизмой опять же. Но вот с красотой... не задалось. Глаза несправедливо маленькие, а я всегда хотела большие, выразительные. Причёска её меня раздражала. Здесь дело, конечно, поправимое. Ещё голос звучит ужасно. Если в записи.

И вообще, есть претензии к лицу целиком: какое-то простое, бессарабское. С этим тоже ничего не придумаешь: косметологи, парикмахеры, стилисты бессильны против нашей с тёткой мощной породы.

И что интересно. Я давно и счастливо попрощалась с комплексами некрасивости. А лет с тридцати вообще не заморачиваюсь своей внешностью. Расправила крылья и зажила, как только хотелось – свободно, безмятежно и легко. Экспериментировала со стилями, причёсками, работой и географией.

Почему же именно сходство с тёткой так меня угнетает? Образ внутри не соответствует фото в паспорте? Почувствовала себя зайчиком, по ошибке надевшим костюм медведя? Не думаю.

Всё значительно проще.

Мне категорически невозможно быть похожей на неё! Потому что тётя Фаня не любила японской поэзии и не читала Кьеркегора. И как после этого у нас могут быть одинаковые глаза?

Фламенко

Это возможно! Ежедневно сгорать в настоящей страсти в 7:30 и 9 вечера, с одним выходным в воскресенье, если вы – исполнитель фламенко в Севилье. Не верите? Я сама бы ни за что не поверила. Но...

Итак, маленький грязноватый зал, старые деревянные сиденья, расставленные буквой П. В центре куца сцена – это камерный зал для представлений фламенко. Уселась разношёрстная публика, много китайцев. Среди зрителей почему-то запомнилась скучающая девочка лет десяти в испанском костюме из китайской сувенирной лавочки. Ждём. На сцене появилась неформалка в драных джинсах, кроссах, наполовину заправленном свитерке и по-испански подробно рассказала, что можно и чего нельзя делать на их представлении. Вот, кстати, нельзя фотографировать и лезть обниматься с танцорами. Ещё что-то сказала, но мы не особенно прислушивались. Потом – это же по-английски и по-французски. Опять ждём.

Свет погас. Представление. Вышли двое, один с гитарой. Первое впечатление: два деревенских хлопча достали из сундуков нарядные одёжки 75-го года производства и пришли на деревенские посиделки. Брючки мешком, чёрного цвета, который уже давно не чёрный, а грязно-бурый; рубашка в клеточку – «привет из Михаловки», несуразный тонкий галстучек. Но обувь!!! – черные лаковые безупречные туфли у обоих. Всё вместе выглядело странно – то ли туфли не отсюда, то ли ребята не свои туфли надели в спешке. С этого момента главным местом притяжения глаз зрителей были туфли, и ничего нельзя было поделать.

Гитарист заиграл. Застучали каблукки. Потом резко оборвал мелодию, и вступил его товарищ – запел. Что это? Почему так заунывно, почему такая тоска в мелодии, в голосе, в тембре? Загадка. О чём поёт? Прощается с кем-то, с чем-то, со своей жизнью, молодой, счастливой, – только такие ассоциации... Вот будет смешно, если выяснится, что поёт он о том, как солнце встаёт летним утром над оливковыми деревьями за его домом...

Наконец появились танцоры. Он и она. Он – с намасленными, свисающими сосульками волосами, она – худощавая, сутулая, похожа на цыганку. Началось. Он как-то сразу превратился в тетиву, металлический прут, вибрирующий и изгибающийся на грани. Резкий звук выбиваемого каблукками ритма как грохот оглушительного грома. Если высшая точка фламенко называется «демон», то это был именно демон во плоти. Руки, вскинутые вверх, безупречный изгиб кисти и невероятно плавное движение вперёд на выбивающих сумасшедшую чечётку каблукках.

Танцовщица, его партнёрша, конечно, уступала, это был явно не её праздник. Но руки! Её руки были сверхъестественными в технике: сверху над головой, кисти, отталкиваясь от неведомой точки, извиваясь по только им одним известной траектории, спускались вниз. Руки жили, страдали, плакали и умирали на наших глазах. Настоящее искусство!

И мы, зрители, и китайцы, и скучающая девочка, как будто перестали дышать и оказались внутри этой всепоглощающей воронки страстей, терзаний, счастья и безысходного восторга...

Представление закончилось. Все были оглушены и растеряны. Мы видели что-то, чему ещё не нашли объяснение, что-то по ту сторону реальности, мы прикоснулись к облаку, или к душе, или к волшебству – невозможно расшифровать это состояние.

У входа в фойе уже толпились зрители на следующее представление. Наш главный танцор, придерживая взлохмаченную шевелюру рукой, что-то буднично записывал в затрёпанный журнал на рецепции.

Он вернулся на землю, а мы ещё не совсем...

Вкусовщина

«Живое пиво» манило облезлой, тусклой вывеской. Чёрные окна витрин сияли враждебными дырами.

Никто не ждёт.

И мы. Вроде бы вместе, но каждый о своём. Хотим говорить, но не слышим друг друга – шумно вокруг. Почему-то кажется, что это временно. А это не так.

И дождь. Мутными каплями течёт по стёклам, разделяет всё ещё дальше.

И смазанные фигуры людей. Бесцветные, бесчувственные, как всё вокруг.

И одинокий фонарь. Совсем дряхлый, на покосившейся бетонной, шерботой, давно не крашенной ноге. Своим уже мерцающим светом из последних сил наивно и по привычке пытается кого-то тут согреть.

Не понимает, старый дурак, что не сможет – висит высоко...

Чужая тема

*Композиторы добаховского периода часто брали чужие темы и разрабатывали их в своей оригинальной манере.
Текстовая подводка р/с «Гармония мира»*

Он потерял своё сердце.

Где-то... посреди большого города, на шумной улице, где снуют машины, какие-то люди, заплёванный мусорник неподалёку... оно осталось лежать там... Он не заметил сразу и ушёл вперёд. И только через время, потом, он обнаружил, что внутри пустота и здесь, где он сейчас, ничего у него нет.

А жизнь его осталась там, где сердце, – в сером бетоне, камне сумрачного города. Даже непонятно, что в нём такого, не самый лучший город, хаос везде... и что ему все эти люди, снующие там? Практически чужие...

Это только кажется, что всё просто – вернуться туда, там твоё... Но на самом деле страшно... А вдруг ошибка, вдруг самообман? Вернёшься, а там – тоже пусто?

Или окажется, что это не его? Как тогда? Совсем без сердца?

Неужели нет нигде и не будет его места?

А искать снова уже негде и нет сил...

Нет, лучше думать, что оно там. Редко, радостно думать.

Надежда? Глупость какая-то!

Слушая Стинга,
навеяло)

Тефтельки

Наушники на голову. Кресло мягко обнимает. Спинку откидываем, и «в космос»...

Сейчас, если верить инструкции, меня погрузят в «в альфа-состояние (медитацию)», потом на 7 минут какие-то «тета-ритмы», и ты – другой человек. В общем, уселась измотанная невротичка, встала звезда – молодая, красивая, не узнать: стресс ушёл, лицо разгладилось, осаночка, плечи и всё такое...

Из левого уха в правое и обратно зашуршал морской прибор – пока начало неплохое. Голос в наушниках:

– Займите удобное положение. Закройте глаза. Сделайте глубокий вдох...

Так, с положением вроде разобрались. Глаза... ну почти, надо будет в следующий раз затемнение какое-то придумать.

Вдох – хорошо, может, ещё глубже? Можно. Похоже, «дыханье спёрло». Но ничего, художественно что-то получится.

Пошла музыка. Ручейки растекаются в стороны, обволакивают. Аккорды по регистрам, снизу вверх. Всё вместе окружает, расслабляет, обновляет, оздоравливает и местами обескураживает.

– По вашему телу расходятся теплота и покой...

Теперь китайская пентатоника. А что, приятно. Знают всё-таки китайцы толк в медитациях.

– Вы никуда не торопитесь, вы спокойны...

И музыка хороша. И этот шум прибора – самое оно. Чувствую гармонизацию буквально спинным мозгом. И, кстати, даже начинаю улавливать самый что ни на есть морской запах. Наконец-то, не прошло и десяти лет жизни у моря, как я его учуяла!

– Выдохните. Вспомните, как часто в своей жизни вы спешили. В суматохе вы сделали что-то быстрее.

Вот про суматоху – это да, в точку! Пора с этим что-то делать.

– Или напротив – медленнее. Сделайте паузу. Не спешите. Настройтесь на более медленный темп.

Интересно, откуда эта гарь пошла? А, понятно – даже находясь за километр от соседей, эти милые люди умудряются испортить тебе настроение. Но я не замечаю этого, расслабляюсь. Альфа, тета, ещё что-то по очереди включаются, воздействуют на меня исключительно благотворно...

– Пусть жизнь идёт своим чередом. Даже если у вас много дел, остановитесь и переведите дух. Эта задача вам по силам.

СТОП! Это не соседи. Это, по-моему, мои тефтельки на кухне раньше нужного согрелись, перегрелись и, наверное, даже возгорелись. Господи, что же делать??? Сейчас, похоже, уже пошли тета-ритмы, и, если я вот так вскочу, как подстреленная, неизвестно, что за внезапный страшный стресс получит мой мозг. А там и до болезней недалеко.

– Не торопиться, чтобы всё успевать. Никаких дедлайнов. Никакой спешки.

О, слышишь, что умные люди советуют? Ну, в конце концов, 5 минут осталось, что такого случится? Кстати, настоящие йоги даже тренируются абстрагироваться от окружающей действительности...

– Никаких дополнительных усилий. Независимо от того, чего от вас ждут.

Интересно, если кастрюлька пригорает, она сразу воспламеняется или сначала звуки какие-то, пошипит, треск издаст? На кухне, по-моему, где-то был огнетушитель. Как его лучше – сверху жать или перевернуть вниз головой?

– Вы сделаете всё, что нужно, вы даже добьётесь большего. Не нужно никуда спешить.

Всё место в голове заняла живописная картинка клубящегося дыма в моей кухне. И всё-таки что говорит наука для таких случаев? С одной стороны, я уже выпала из лечебных ритмов. Может, правильнее это быстро остановить, вскочить, сгонять, потушить? Дослушаю потом в спокойной обстановке? А вдруг какой-то тета-ритм, прерванный на полпути, приводит к необратимым последствиям? У меня же дети!

Сколько времени нужно от момента пригорания до вспыхивания большого огня?

– Никуда не торопитесь. Всё идёт хорошо. Вы двигаетесь с нужной скоростью. Вы спокойны и раскованны. Выберите темп жизни, соответствующий вашим возможностям.

Ну, давай, давай уже! Шире шаг, со своей скоростью! Мои возможности – всё, на пределе. Что ж это такое, люди добрые?! Когда же эти медитаторы прекратят над нами издеваться?

– Сделайте глубокий вдох и медленно просыпайтесь. Вы чувствуете умиротворение. В вашей жизни нет места стрессу. Вы можете сделать всё, что нужно. Ни о чём не беспокоясь напрасно. Вы спокойны. Ваша жизнь налажена и стабильна.

Победные аккорды снизу вверх. Позитивные пошли. Китай подтянулся. Иии...

Если кто-то помнит игру, когда шарик выскакивает из конуса... Сейчас её обозвали «Поймай мяч» – ну да бог с ним, с названием. Так вот, я могу сказать, что побывала на месте мячика, когда в него снизу врезается изогнутая металлическая пластина.

По моим впечатлениям, мячику не больно – защитникам животных можно не беспокоиться. Мячик вообще ничего не чувствует при катапультировании – его несёт... стремительный скачок и высшая цель.

В итоге.

С тефтельками всё норм. Это были не они. Там у меня ещё в духовке овощи, оказывается, запекались – они и погорели. Огнетушитель не понадобился. Кухню только проветривала пару часов...

До сих пор мучает один вопрос – я хоть что-то расслабила тогда?

Голова Кафки

Голова Кафки засунута посреди тесно сцепленных домов. Плечом к плечу новые стекляшки, а напротив, через дорогу, какие-то бельгийские постройки прошлого века. На парадную площадь это всё не тянет никак.

В котором часу это сооружение начинает двигаться, неясно, но точно работает весь световой день и большую часть вечера. Зеркальные шайбы, из которых она состоит, крутятся каждая по своей траектории, но в какой-то момент соединяются во вполне определённый профиль – понятное дело, Кафки, кого же ещё. Правда, проверить сложно – мало кто знает его в лицо, все верят на слово.

Утро, вечер. Вечер, утро. Шторы раздвинул, чайник включил, зубы, туалет. Что надеть? Что там за погода? Холоднее, чем вчера? Машина, дорога, дурацкая пробка, дети заболели, как жить без денег, когда же всё это закончится? Твоя шайба крутится по своей траектории.

Зеркало отражает всё, что снаружи, – деревья, дома, людей, машины. Оно (Снаружи) само на себя смотрит, если захочет, конечно. Лично ты его не интересуешь. И это, наверное, правильно, только нам почему-то обидно.

Ты в шайбе. Или ты сам и есть шайба? Такая себе ещё блестящая, начищенная снаружи и побитая, пошкрябанная, покорёженная внутри. Почему до сих пор всё это двигается и не стопорится, не заблокируется со страшным хрустом и скрежетом, не знает никто. Терпи и жди, чтобы, когда это всё случится, плакать и молиться, что слишком рано, и жалеть, что не ценил.

Всё понятно, предсказуемо. В центре точно есть ось, вокруг неё всё и крутится. Так все думают, все уверены. А как на самом деле? Говорят, Кафка не верил в случайности, так что ось должна там быть, определённо. Но вот смешно получится, если вместо оси там пустота – такая себе ирония Кафкиной судьбы...

У другой шайбы, которая выше на пару метров, всё происходит точно так же. Но то совсем другая жизнь. Совсем! Счастливее, печальнее – не важно, потому что лучше не проверять и не заглядывать, пожалеешь.

Какой же вывод? Резюме... – крутись, отражай, не лезь в чужую шайбу. Или наоборот. Все попытки понять смешны – в конце концов, вместо оси окажется пустота, а четвёртая чашка кофе явно лишняя.

И да, позвони другу. Он всё поймёт не так, но тебе покажется, что в тумане появились пробоины...

На уставшей набережной Слиммы

На уставшей набережной Слиммы дул сухой ветер с моря. По логике он не мог быть сухим. Скорее попросту ударялся о жёлтые, большими пятнами выщербленные стены ракушечника и превращался в сухую пыльную массу, которая трепала волосы в мочалку, а лёгкие шальки на женщинах сворачивала в жалкие подобию корабельных канатов. Никакой гармонии в этом не было. Я стояла и вроде как ждала своих, замешкавшихся с чем-то. На самом деле я смотрела, я просто не могла не смотреть в панорамное окно на одном из этажей элитного дома через дорогу.

Вот знаю – заглядывать в чужие окна, вроде как подглядывать в замочную скважину, не комильфо. Но это окно затягивало, не отпускало. Там была настоящая сцена с декорациями, для зрителей.

Это нужно было разглядывать и одновременно восхищаться и завидовать. Шторы цвета нюд – страшно модного последнее время – до упора раздвинуты в обе стороны, дабы не забирать ни одного лишнего сантиметра у открывающейся потрясающей перспективы залива и моря. На огромном, по мальтийским меркам, пространстве ничем особо не заполненной комнаты тяжёлым антрацитовым островом раскинулся диван. Ничего лишнего – никаких шкафов

и пошлых зеркал в позолоте на стенах, только группа декоративных тарелок разных размеров в виде какой-то суперхудожественной композиции. Да из-за дивана торчала дуга стильного минималистского торшера. Всё заявляло о хорошем вкусе, дорогих вещах и полном достатке.

А вот и главное действующее лицо – какая же сцена без главного героя! Небольшая шуплая фигура человека, помещённая, посаженная ровно как на стуле, посреди мягких диванных подушек. Сидя там, в этой роскоши своей элитной квартиры редкого дорогого дома, он не двигался, не изгибался, не наклонялся, не ложился, а просто смотрел через своё панорамное окно на море. Окно надёжно защищало его и от навязчивого ветра, который всех нас тут замучил, и от не всегда приятных запахов с разных сторон, от какофонии музыки из баров, перебивающих друг друга, от тех же многочисленных ям на тротуаре. От всей этой совсем не изысканной и не элегантной реальности.

Казалось бы – такой понятный и естественный сюжет, а вот ожидаемый эффект от него у меня не случился. Сначала прополз противный, колючий холодок по спине. А потом появилось это чувство... Вот такое или приблизительно такое должно быть у смятой и уже старой записки, закупоренной в стеклянной бутылке, которая болтается в открытом море. Когда-то вначале были надежды, стремления, получалось, что задумывалось. А сейчас всё не то – пустое. И кажется, чего тебе ещё: такое море, красоты, сокровища даже, – всё тебе принадлежит, а только смысла в этом нет. Сидишь в пуховых подушках, как на простом дешёвом стуле, и ничего уже не надо...

Я схватила ребёнка на руки и, не знаю зачем, прижала к себе: такая глупая привычка – хвататься за ребёнка в каждой непонятной ситуации! А может, если честно, это была моя жалкая попытка в тот момент зацепиться за что-то, за другое – живое и тёплое, настоящее.

Мы прибавили шагу и пошли по дырявому тротуару в гостиницу – не торчать же на набережной, всё-таки ветер!

Идеальная пара

Мне захотелось с тобой поговорить о любви...
Т\ф «Обыкновенное чудо»

Дядя Вит и тётя Вита.

Я сама уже давно тётя. Но в воспоминаниях неизменно зову их так, хоть иногда это выглядит несолидно.

Они были, что называется, идеальной парой. Ни капли мезальянса. Абсолютное совпадение по всем параметрам: внешность, стать, интеллект, статус – всё звучало совершенным дуэтом.

Из рафинированной интеллигенции, оба музыканты. Дядя Вит – великолепный слухач. В любом месте и состоянии садился за инструмент и играл всё что угодно. Особенно джаз.

Тётя Вита – шикарная блондинка. Неуязвимый образец классической светской львицы. Всегда безупречно выглядела, никогда не попадала впросак. Могла поддержать абсолютно любую беседу – от последних couture до трансцендентных исканий у немецких философов.

В общем, их пара представляла совершенный пазл: от одинаковых имён до равных талантов.

Однажды ехали они на своём авто из-за границы. Остановились вечером на трассе. И дядю Вита сбила другая машина.

Темно, большая скорость – его не разглядели.

Тётя Вита тащила его на себе, грузила полуживого в машину. Мчалась в ближайший посёлок, искала врачей. Говорили – не спасти. Она не слушала. Опять грузила, мчалась, искала, добивалась. Нашла в райцентре того, кто согласился помочь и рискнул сделать операцию. Спасли. Но сказали, что ненадолго.

Не верила. Боролась. Везла домой. Всех поднимала. Опять искала, боролась, выхаживала.

Потом сказали, что будет прикован к постели. И всё повторилось опять: не верила, куда-то везла, боролась... ла... ла... ла...

Потом случилось чудо. Дядя Вит, вопреки науке, прогнозам врачей и общему ожиданию, выкарабкался. Выжил. Выздоровел. Благодаря, конечно, неистовой вере и усилиям тёти Виты.

А через короткое время он ушёл. К другой женщине. Которая была совсем не так эффектна, сильно молода, без особого ума, стати, ничем не примечательна и вообще. Такой банальный мезальянс.

Но дядя Вит побывал на той стороне. Что-то своё понял. Пересмотрел свою жизнь. Он не хотел то, что ему осталось, прожить в долге. Хотел в любви.

И не слышно было осуждений.

Тётя Вита тяжело пережила предательство. Отказалась от общества. Замкнулась. Мало с кем встречалась.

Не простила. И не устроила свою жизнь.

Когда дядя Вит через несколько лет умер – хоронила его жена, тётя Вита. Она всё организовала. Была спокойна, собранна. Как в былые времена, эффектна и безупречно величественна в своём горе.

Пришли их общие дети, родственники, старые знакомые, друзья и коллеги. Молодой женщины, с которой он провёл последние годы, у гроба не видели. Говорили – не пустила тётя Вита. Но кто ж знает, что там на самом деле?

Прошли годы. Страсти улеглись и забылись. Старая шумная компания перестала существовать. Мало кто остался. Я не знаю, как живёт тётя Вита – надеюсь, что хорошо и спокойно.

Но когда я слышу выражение «идеальная пара» – я всегда вспоминаю их.

Несмотря ни на что.

Как образ. Совершенный пазл...

Миллион миллиардов

Она лежала в темноте с открытыми глазами. В крошечной тишине, в которой даже не тикали часы, было слышно, как маленькая ножка старательно протискивается между прутьями старой кровати.

– Я тебя люблю на шесть, – вдруг выдала она, отчётливо выговаривая каждое слово.

Сквозь тяжёлую мутную дрему сначала пробило удивление – я была уверена, что она давно спит. Потом появилась дурацкая мысль, что шесть – это гораздо лучше трёх и где-то почти десять. Нет, не зря, не зря все мои старания быть образцовой мамой – уже виден результат! Я повернулась в её сторону и так, больше для порядка и поддержания разговора, спросила:

– А что это значит?

– Это означает, что ты на третьем месте, – продолжая так же чётко выговаривать все сложные для неё буквы в словах, произнёс мой ребёнок.

Здесь меня накрыло волной, аж подбросило на кровати – нич себе! Разумные доводы не просто потерялись, они утонули в непереносимой материнской обиде на эту жестокую реальность бесчувствия. Понимаю, что нельзя раздражаться, показывать обиду – не педагогично это. Взяла себя в руки, как тогда показалось, и... *ё*

– А кто, интересно, на первом? – почему-то второе место меня не заботило и не волновало.

– Нуууу кто, – потянула она лениво, – папочка, конечно же.

Фух, мне чуть полегчало, хорошо, что не тётя Лида какая-то. «Всё-таки девочки тянутся к папам», – вспомнила я старую нафталиновую банальность.

И опять, что меня только дёрнуло на эти уточняющие вопросы – успокоилась бы уже, но нет:

– А сколько же ты папочку любишь? – спросила я и услышала в собственном голосе непреодолимо язвительные нотки отвергнутой поклонницы. *на*

– Папочку я люблю на миллион миллиардов! – победно припечатала моя маленькая фея.

Обыденность и безапелляционность её тона не оставляли места для продолжения этого бесполезного разговора о том, что и так известно всему миру, кроме, конечно, некоторых недо-тёп...

И приснился ей...

...сон. Тёмная неудобная комната с выходящим на веранду единственным окном. Эта комната никогда не видела прямых солнечных лучей. На потолке болтается тусклая одинокая лампочка, укутанная в дешёвый блеклый абажур. Пол деревянный, по старинке крашенный тёмно-красной краской, в некоторых местах затёртый, где-то с прогнувшимися досками, наверное, под ними есть полости. Стены непонятного цвета, при таком тусклом свете и не разберёшь, да и не надо это никому. Две старые деревянные кровати, кое-как застеленные, – вот, в общем-то, и вся мебель.

Она, зять и дочка ходят по комнате, слоняются, переставляют вещи, что-то двигают с места на место. И вот здесь же, где-то на переднем плане общей картины, завёрнутый в бело-серые тряпки-пелёнки, лежит мёртвый младенец. А они, включая её саму в той комнате, продолжают ходить туда-сюда; разговаривают, даже смеются, и совершенно не замечают его. Она понимает, что комната маленькая, и для неё дико и необъяснимо, как можно не заметить мёртвого ребёнка. Как это возможно?!

И тогда она начала кричать, звать, плакать, а потом и рыдать. Пыталась привлечь их внимание, мотала головой, махала руками, опять кричала и рыдала. Бесполезно. Они совершенно не реагировали на неё – друг друга слышат, разговаривают о чём-то обычном, незначительном, улыбаются, хмурятся и ходят мимо этого ребёнка.

И не было между ней, которая всё видит, и ними, находящимися в той комнате, никаких преград: ни стены, ни стекла, ни зеркала, ни пространства, их разделяющего. Даже пыль в воздухе не стояла, как в обычный летний день. И так ей стало горько от этого, такое отчаяние её охватило, которое невозможно было выдержать обычному человеку. Поэтому она всё плакала и плакала и не могла остановиться.

Она проснулась, села на кровать и поняла, что снилась ей эта самая комната. Тогда она взволнованно огляделась и увидела, что внук её мирно спит на соседней кровати и всё вроде бы хорошо и спокойно. Через немного покосившееся окно было видно, как светящиеся лучи южного августовского солнца радостно пробиваются на веранду сквозь виноградные листья.

Ей стало легче – всё пустое и этот сон не должен значить ничего. На всякий случай она сказала все слова, которые, по её мнению, полагались после плохих снов, оделась, умылась и пошла в комнату дочери. Стала рассказывать той, что ей приснилось, как это тревожно; волноваться, говорить, что беспокоится за здоровье внука, может, сон был об этом? Дочка улыбалась, её беспокойство не поддерживала, отвечала что-то стандартное, какие-то обычные фразы для таких случаев. Потом они все вместе завтракали и пили чай во дворе под старым раскидистым кустом жасмина, и безоблачное небо, щебечущие птицы и лёгкий ветерок обещали чудесную погоду в этот день.

А потом ей позвонил кто-то, трудно вспомнить уже, кто именно. Он сказал, что её мужа нашли мёртвым в домике на пляже пансионата, в котором он отдыхал. Сказали, что, видимо, у него случился сердечный приступ, а так как жил он в этом домике один, помочь было некому. Похоже, что он пытался выйти, но не смог. Наверное, звал на помощь. А соседние домики расположены очень близко, и люди снуют постоянно на пляж и с пляжа, днём и ночью, и вообще – разгар сезона. Но никто ничего не слышал и не заметил.

Солнце стало палить невероятно, ветер поднял серо-жёлтую песочную пыль, а чайки издавали резкие, хриплые звуки.

Скандинавский стиль

Как описать это чувство, когда одежда выбирается не для того, чтобы выглядеть красиво? Или чтобы здесь прикрыть недостатки, а там подчеркнуть достоинства...

Когда нет понятия «это не по возрасту» или «это её полнит»... Да, полнит! А она никому не собирается понравиться или не понравиться! Она чувствует себя удобно и свободно.

И это выражение лица – летящее: «Ничего не хочу подчёркивать или скрывать, я так живу, мне в этом удобно и приятно!»

И этот ритм движения – не суетливый, но с внутренней энергией, как танец.

А разглядеть по отдельности – сплошная непонятка. Рубашечка белая, ни-о-чём; сарафан бесформенный, мешочком; цветовая гамма – ситцевая поляна. Всё блекло, бесформенно, ничего привлекательного... Всё вместе – торжество свободы и независимости вкупе с полной гармонией образа и окружающей городской среды.

И, кстати, получается совсем не вульгарно.

Нет, это что-то должно быть в крови – у меня не выйдет...

Пробуждение

Она проснулась от возмущения. Оказывается, бывает и такое, но с ней это впервые. Ей снилось, что она жарит на сковороде нарезанный соломкой тёмно-бордовый корнеплод для заправки. Неровные, кое-где по краям покоричневевшие полоски плавали и подрагивали в прозрачных, золотистых пузырьках шипящего масла. Во сне она упорно не желала называть этот корень по имени, потому что «буряк» – это грубо, суржик и не звучит, а сказать «свёкла» у неё язык не поворачивался. В Одессе никто и никогда не называет его свёклой.

Это было форменное безобразие! В её понимании сон, как нежная субстанция высшего порядка, просто не может содержать такие грубо-натуралистичные сцены. Она резко открыла глаза. На тёмном потолке три тусклых луча света, пробивающиеся сквозь щели в шторах, образовывали какой-то символ или знак или просто бессмысленно пересекались.

В голове маленькими назойливыми мошками роились неприятные мысли. Их было много, все вразнобой, ничего особо критичного, но все какие-то мелкопакостные. Про этого нелепого дурачка, который не знает, как ещё её зацепить; ту проблемную аренду и как теперь выпутываться; и зачем только она вчера вечером налетела на ребёнка из-за жалоб этой странной училки, он и так старается, как никто.

Она посмотрела на телефон – было 4:38 утра. Птички вовсю выводили заливистые трели, но это не успокаивало и не радовало, а только подзуживало мыслью: «Ничего себе день не задался! Теперь точно не засну». Она прокрутилась пару раз с одного бока на другой.

Рядом, ровно похрапывая, безмятежно лежал её муж. Он, обычно так чутко и нервно просыпающийся от всякого ночного движения, постороннего света или малейшего шороха, сейчас удивительно спокойно спал и выводил идиллические рулады певучего храпа. Её тревоги, собранные в кучу домашние проблемы, нервные вздохи и бесконечные повороты с боку на бок не вызывали у него никакого заметного дискомфорта. Она дёрнулась было по инерции растормошить его, сказать, что храпит, чтоб повернулся на другую сторону и вообще... вдруг зависла на мгновение, как глюкнувшая компьютерная программа, тихо выдохнула, обмякла и, внезапно успокоившись, как будто растеклась на кровати.

«Равномерный храп – это хорошо! – подумала она, медленно закрывая глаза и засыпая. – Значительно лучше, чем прерывистый».

На стене еле слышно тикали часы.

Второй день диеты

Мама на работе с коллегами отмечает юбилей. Притащила кучу разных вкусностей. Но я, между прочим, – кремень.

Она очень гордится конфетами «Птичье молоко». Это удар, конечно, но...

Меня не сбить – конфеты подождут, не скиснут. Как только выйду на устойчивый сброс веса... Цель стоит. Мне не страшно. Даже чувств никаких нет. Вот, смотрю на них совершенно спокойно. Кстати, коробка совсем не птичья – наверное, импортный аналог какой-то.

Ладно. Раз меня это так не трогает, можно спокойно посмотреть, что там за «птичье молоко» внутри нептичьей коробки.

Ну, точно! Никакое не «птичье молоко»! Вот как можно быть такой безответственной?! Брать, огульно заявлять: «птичье, птичье».

А я? Вот почему я с детства так безоговорочно ей во всем доверяла? Откуда эта вера в авторитеты, высокие идеалы, традиционные ценности?!

Короче. Настроение убито. Съедено 10 конфет.

Мною.

Диету начну с понедельника. Я без предрассудков. Стою на своём.

Ветка

Пожухлая ветка с несостоявшейся претензией на породистую розу торчит из вазы с водой, которая ей давно ни к чему. На неё кто-то накинул оборванное конфетти, вроде как для новогоднего настроения, но смотрится безнадёжно.

Так, большие надежды, ожидания, грандиозные планы расцвести потрясающими цветами окончились сухой веткой из подпахивающей жидкости. Может, и цвела, как собиралась, но, видимо, так коротко, что никто особо этого не заметил.

Зато теперь все брезгливо отворачиваются и ищут крайнего, кто выкинет её в мусор.

Утренний номинатив

Проснуться. Открыть глаза. Увидеть, что раньше будильника. Долежать?
Натужно оторвать себя от подушки. Уловить вертикальное положение. Замерзнуть.
Накинуть кофту. Поташиться в ванную...

Спросить Алёшу, почистил ли зубы. Сказать, чтоб почистил. Сказать ещё раз. Не раздражаться!

Включить чайник. Насыпать чаинки. Согреть кашу в микроволновке.

Разбудить Таюсю. Согреть блинчик. Спросить, почистила ли зубы. Сказать, что молодец.

Нарезать бутерброды. Намазать маслом. Уточнить, может, всё-таки с сыром. Повторить, что колбаса вредная. Вздохнуть.

Сказать, чтоб положили обед в сумки. Повторить Алёше ещё раз. Напомнить, чтоб не забыли телефоны. Узнать, что надевают. Выпалить, что нельзя ходить «чучелом». Не раздражаться!

Расчесать кучеряшки. Попросить не кричать. Стараться. Проверить, взяли ли перчатки. Напомнить, чтоб не забыли позвонить, когда дойдут. Поцеловать. Подождать, пока откроется лифт. Услышать, как вышли внизу.

Проверить свой мобильный. Начать пить чай. Поглядывать на часы. Волноваться, чего не звонят. Перепроверить, включён ли звук. Услышать звонок. Выяснить, как дошли. Пожелать хорошего дня.

Допить чай. Почувствовать, что тихо. Включить телевизор. Понять, что пусто. Позвонить маме. Спросить как. Опять волноваться. Задуматься. Расстроиться.

Рассудить, что так не навсегда. Когда-то будет по-другому. Понять что-то про себя, что-то про время, что-то про счастье.

Служба бабушек

В любом аэропорту есть «служба в помощь бабушкам» (как мы её между собой называем). То есть специальные молодые (иногда и не очень), крепкие (бывают и хлипкие) люди, которые прибегают с инвалидными колясками и перевозят больных, немощных или просто очень пожилых пассажиров, тяжело передвигающихся и вообще...

Я к этой категории пассажиров определённо отношусь, хотя «бабушку» в себе упорно не признаю, хорохорюсь и выступаю, что, конечно же, режет глаз всем окружающим. Мой плюс в том, что я довольно много путешествую и знакома со всеми «службами бабушек» и их характерными особенностями в самых разных аэропортах Европы.

Большинство бабушек, среди которых, конечно же, есть и дедушки, но для статуса это значения не имеет, очень тихие, мирные и совсем не конфликтные очаровашки. Они частенько пригреваются в своих колясочках, уютно чувствуя себя в надёжных руках верных служб аэропорта, и потихоньку присыпают, пока эти энергичные ребята решительно тащат их от чек-инов, к секьюрити и дальше до гейтов.

Итак, дело было в Испании. У них в аэропортах есть специальные помещения, куда бабушек привозят и складывают, чтоб они не растерялись и не рассеялись по терминалу в поисках своих помощников. Там, как правило, тепло, светло, телевизор и дежурят дежурные (уж извините за тавтологию), чтоб никто ничего не перепутал – видимо, были прецеденты. За каждым энергичным и просто помощником закреплена своя индивидуальная бабушка, и брать другую ему никак нельзя, строго запрещено (бог знает почему). Можно только предположить, что делается это, дабы пресечь самозванцев, которые вероломно пытаются выдавать себя за бабушек и нахально пользоваться всеми нашими, бабушкиными благами.

Бабушки, как правило, тихо кемарят в своих колясочках, за исключением отдельных невротиков, типа меня, которые явно чего-то ждут, вытягивают шею, крутят головой по сторонам, яростно зыркают глазами в поисках своего помощника. При этом выразительно поглядывают на часы – типа «я уже опаздываю!» – и пытаются вызвать с дурацкими вопросами «где же? когда же? кто-нибудь будет?» к совершенно флегматичным дежурным, которые удивительным образом в большинстве сумели сохранить свою первозданную (аутентичную) невинность и не знать английского языка.

Вот одним чудесным солнечным утром сидим мы с коллегами-бабушками (нас штуки 3 – 4, не больше) на именно таком дружественном аэропортовском складе в ожидании, можно сказать, своей счастливой судьбы, которая не сильно к нам и торопится. Через какое-то время тучи беспокойства рассеивает удача и в дверях появляется Он, настоящий испанский идалго. Хосе или Педро, точно не скажу, никто из наших бабушек его не знает. Смуглый, кареглазый красавец, черноволосый и мускулистый – в общем, Бандерас-в-молодости. Скользящей поступью матадора он входит в наше помещение и застывает в дверях.

«Где они только этих красавцев выращивают в своей Испании, – с щемящей тоской проносится у меня в голове, – селекция, не иначе».

Хосе (который Педро) орлиным взором осматривает сонм дремлющих бабушек, из которых ни одна, заметьте, ни одна, кроме меня, не встрепенулась от взволнованности и предвкушения. Бесчувственные особы, короче.

Педро (или всё-таки Хосе, никак не могу определиться) кидает взгляд на свой планшет с записями и после длительной паузы бархатным баритоном уставшего оперного премьера произносит какое-то невнятное слово с непередаваемым испанским акцентом. И это слово (о ужас!) даже в такой латинской интерпретации совсем не похоже на мою фамилию!

У меня обрывается всё внутри. К сожалению, вовсе не потому, что Хосе, этот потюмок отважных тореро, не обратил внимания на моё неземное очарование и выбрал другую

«бабушку». А только потому, что я, по моему тревожному разумению, начинаю конкретно опаздывать. Все мои наверняка уже на гейте. У секьюрити, скорее всего, очередюга-не-дай-бог, а следующий Педро, судя по их «расторпности», придёт в лучшем случае часа через пол.

Я начинаю интенсивно прокладывать себе дорогу к вожделенному Хосе и расталкивать колясочки с мирно дремлющими бабушками, при этом пытаюсь ему на английском прокричать что-то наподобие: «посмотрите повнимательней, может, вы – за мной!!!». У Хосе в глазах проносится дикий ужас, ему кажется, что судьба отвернулась от него и в этот раз подсунула ему «сумасшедшую бабку с кучей проблем» в виде меня. Как вдруг, на его счастье, тишайшая старушка из второго ряда приоткрыла глазки, вздохнула, встрепенулась и опознала себя в Педрином наборе звуков.

Другая, цивилизованная бабушка на моём бы месте отступила, понимая такое своё позорное фиаско. Не навязывалась бы молодцу, смирилась бы со скорбным жребием опоздавшей, затихарилась бы в уголке... Но комсомольцы не сдаются! И в конце концов, я не знаю, что там у той, Педриной бабушки, а у меня – дети и 15 минут до посадки! И паспорт мой у мужа, на гейте. И вообще, может, мой, другой Хосе забыл меня или загулял где-то – вон в аэропорту сколько соблазнов. Вино на каждом шагу, стюардессы... Так что мне теперь, пропадать?

Короче говоря, чувствуя нехилый прилив сил, как минимум на «коня остановить», я со всей решимостью, со своей коляской и посадочным талоном наперевес, совершаю судьбоносный рывок в сторону ошалевшего от такой прыти Педры (извините за мой французский)). Там я, пытаюсь ухватить его за рукав и пристально заглядывая в эти прекрасно-бездонные испанские глаза, стараюсь быстро-быстро и как можно проникновеннее, на английском, изложить ему всю печаль моего бытия на фоне трагизма сложившейся ситуации. На втором абзаце моей пламенной речи я начинаю догадываться, что с английским у него не вполне, но с участью взять меня тоже он почти готов смириться. Видимо, прикинул, что отбиваться будет непросто, убежать можно не успеть и взять меня – лучшее из зол.

Всё-таки люблю я их, красавцев-бандерасов. За мягкость характера и правильный расчёт.

Нарру end – я успела! Педро, молодчага, не подвёл. Доставил в лучшем виде, только запыхался: всё-таки бежать с двумя колясками по их бесконечному аэропорту – тот ещё марафон.

P. S. Волнуюсь за подружку, вторую бабушку. Она тихонечко так сидела, всё сносила, даже прикорнуть успела во время нашего забега. А я всё думаю, надо было в её посадочный заглянуть, вдруг её рейс раньше нашего улетал?

Уроки английского

Маргарита Сергеевна захлопнула за Петей входную дверь и побрела в столовую. Там она устало плюхнулась на стул, зацепилась взглядом за старое пятно на стене и мучительно постаралась собраться с мыслями. Получалось плохо. Она чувствовала себя совершенно опустошённой и вымотанной. Что она делает не так? Целый час, целый битый час вот уже второе занятие она объясняет этому шустрому, смышлённому парнишке образование предложений в Perfect. А он? А он смотрит на неё своими лукавыми глазами, говорит, что всё понял, и упорно делает одни и те же ошибки, в тех же самых местах, что и раньше. Иногда ей кажется, что между ними стена, стеклянная стена. И она бьётся в эту стену, с разбега, больно... А за стеной стоит Петя, её ученик, этот милый, улыбочивый мальчик, и безучастно наблюдает за её надрывом. Ему забавно и весело.

Как ей быть? Звонить его родителям? Бесполезно. Они уверены, что платят деньги за то, чтобы Петина учёба не была их заботой. Поговорить-поплакаться Наташе или маме? Бессмысленно. Они обе только повторят то, что было уже сказано много раз: «Не принимай близко к сердцу! Не бери в голову! Перестань себя растрачивать на каждого балбеса!»

И действительно, сколько раз её посещала мысль, что, если эти силы, эмоциональные, интеллектуальные, в конце концов, физические... Если эти силы перенаправить на себя, своё собственное развитие, карьеру, личную жизнь... Да она бы могла уже защитить диссертацию, книгу написать, марафон пробежать, да мало ли... Эх!

Маргарита Сергеевна с трудом перевела взгляд на стол перед собой, автоматически поправила книги и рабочие тетради в аккуратную стопку, положила карандаш и ручку в канцелярский стаканчик.

«Нужно будет в следующий раз попробовать объяснить ему этот Perfect по оксфордской методике, там в учебнике, кажется, были довольно удачные примеры для его возраста», – подумала она и, вздохнув, побрела на кухню разогревать чайник. Через полчаса следующий ученик, надо успеть перекусить.

Муся

– И наконец, капалабхати!

Победно и звонко командует Маргоша, размеренно маяча от стены к стене. Она плавно перекачивает пятку на носок, создавая полную иллюзию скольжения, при этом периодически задорно поглядывает на меня лукавыми глазами, чуть наклонив голову с жидким хвостиком белокурых волос.

Я понимаю, что дело моё безнадежно, но послушно начинаю набирать воздух, как и положено, в брюшной отдел.

– Пространство вокруг нас, – таинственно вещает Маргоша, – наполнено самыми разными волнами: деструктивными и позитивными...

Живот надувается мгновенно, а не постепенно, и девать воздух совсем некуда, а несостоявшийся во мне йог тихо плачет от отчаяния в трясине моих стараний. В этот момент я сильно надеюсь, что диафрагма уже куда-то правильно встала, поскольку места в моём животе нет совсем. Следующую партию воздуха я стараюсь втиснуть в грудную клетку, где он тоже не помещается, и уже в лёгкой панике ищу какие-нибудь другие подходящие отсеки организма. Мои варианты стремительно заканчиваются, а Маргоша коварно не даёт команду выдохнуть и никак не может уговориться:

– Наша задача – отлавливать позитивные волны из пространства и притягивать их к себе...

В голове собирается туман, в глазах злобные мушки, мозг сигнализирует красной лампочкой «аларм».

– А теперь... плавно выдыхаем в том же порядке.

Я сдуваюсь моментально, без организованного порядка, как детский воздушный шарик, и чувствую себя точно так же – сморщенным синим недоразумением на обочине светлого пути человечества к своему просветлению.

Что она там говорила? Ничего не соображаю. Наверное, на подкорку записывалось, потом всплывёт...

Прошло незначительное, по меркам Вселенной, время, и эта запись сработала самым неожиданным образом.

Однажды, не дождавшись снега этой зимой, решили мы поехать за ним в горы. Как положено – договорились с приятелями, нашли верное местечко и посвятили этому благородному мероприятию выходной день. Мы прибыли первыми, после безуспешных поисков хитрой и недорогой парковки бросили машину где смогли и потащились в центр.

Нас ждал сюрприз. Группа в чёрных куртках не вышла, а, можно сказать, загадочно выплыла из-за угла. Впереди, величественно семеня короткими тонкими ножками, двигалось очаровательное пушистое облачко, за ним, на поводке, шла Таня. Она вся растекалась в счастливой улыбке и была, очевидно, удовлетворена видом наших обалдевших физиономий. Затем, выдержав театральную паузу, нежно произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.